

Владимир Ашкенази: «Просветителем себя не ощущаю»

Маэстро не слышал, как дирижируют Плетнев, Спиваков и Башмет

Илья Овчинников

Весь этот год пианист и дирижер Владимир Ашкенази занимался проектом «Музыка и диктатура», посвященным Прокофьеву и Шостаковичу, и наконец привез его в Москву. Идея состоит в том, чтобы сопоставить музыку, написанную композиторами по зову сердца, с сочинениями, созданными по госзаказу.

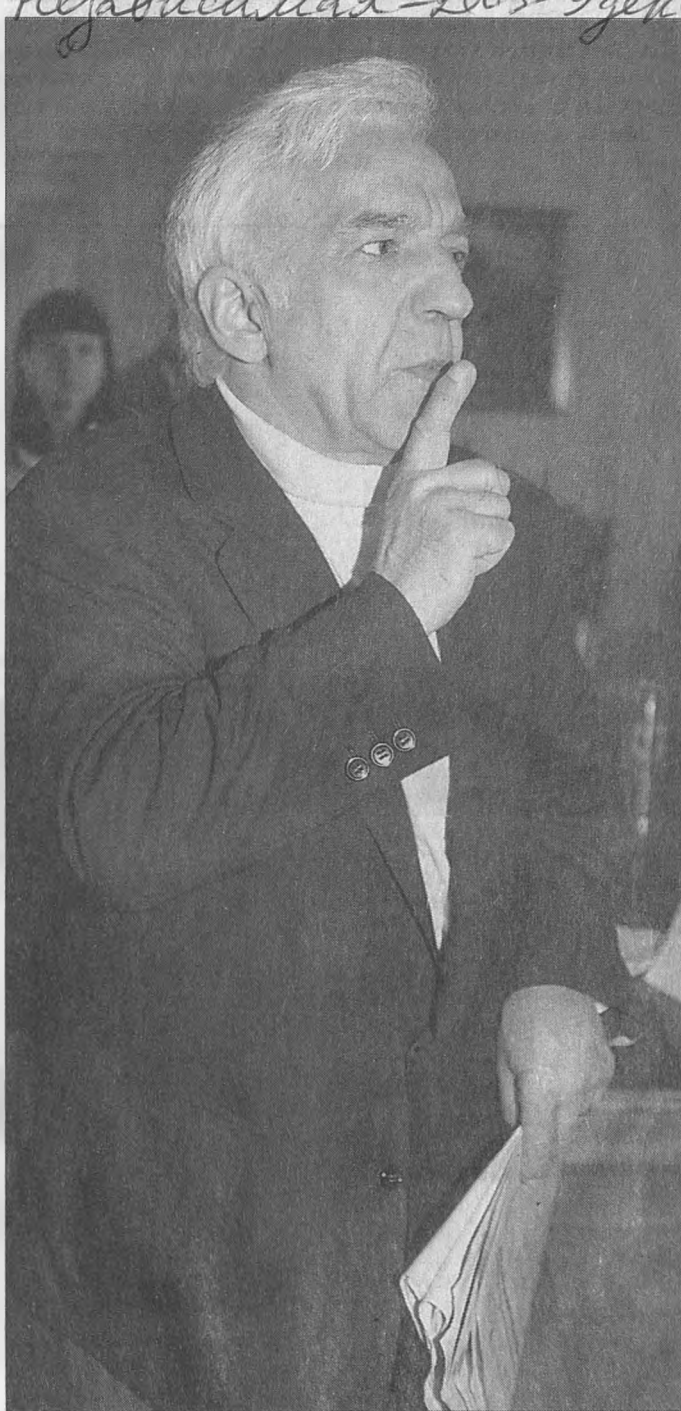
– Владимир Давидович, вы много говорите о сложностях, которые испытывали композиторы в советские времена, но классической музыке тогда жилось куда лучше, чем сейчас: было гораздо больше концертов, выходило больше пластинок. Что можно сегодня сделать в России для возрождения престижа серьезной музыки?

– Сравнить положение искусства в сегодняшней России с тем, что было тридцать-сорок лет назад, опасно: мир продвинулся вперед, и Россия вместе с ним. Дело не в том, что в России музыку не поддерживает государство, – это общемировые тенденции. У исполнителей при советском режиме была если не внутренняя, так творческая свобода – хотя бы здесь, дома. Но это палка о двух концах: композиторы не были свободны. И Шостаковичу, и Кабалевскому, и Хачатуряну приходилось писать то, что от них требовали. Трудная жизнь часто давала композиторам колоссальный импульс; впрочем, многие гениальные музыканты никогда не жили в период диктатуры.

– Я слышал, как вы эмоционально рассказываете об истории создания Тринадцатой симфонии Шостаковича «Бабий Яр», о том, как Шостаковичу позвонил Сталин, и о многом другом, что создается впечатление, будто заниматься просветительством вам интереснее, нежели музицировать. Верно ли это?

– Конечно, нет, просто хочется довести до публики факты, которые иногда ей неизвестны. Из таких фактов складается общая картина, и слушателям важно быть в курсе – тогда они станут иначе воспринимать музыку. Я мог бы и без этого исполнять ее так, как хочу, но всегда хорошо знать о ней все. Просветителем себя не ощу-

Независимая – 2003 – 9 дек – с.8

Везунчик Ашкенази.

Фото Михаила Циммеринга (НГ-фото)

щаю, просто если могу помочь публике, то делаю это.

– Вы повторяете точку зрения, согласно которой Евгений Мравинский, дирижировавший многими премьерами Шостаковича, побоялся исполнять «Бабий Яр». Между тем в ту пору он был полностью поглощен смертельной болезнью жены, Инны Михайловны. Вы знали об этом?

– Нет, но Шостакович был очень огорчен. Он был большим другом Мравинского и не мог понять его нежелания браться за «Бабий Яр». У меня был опыт общения с Шостаковичем, и если бы тот знал о смерти жены Мравинского, он не был бы до такой степени ра-

зочарован. Думаю все же, что Мравинский считал исполнение «Бабьего Яра» опасным.

– Продолжается ли ваше сотрудничество с камерным оркестром Рейкьявика, который вы привозили в Москву каждую весну? Когда начинается ваша работа на посту главного дирижера Оркестра японского радио и телевидения NHK?

– Камерный оркестр Рейкьявика играл так хорошо, что я хочу их пригласить в одно из следующих турне. Главным дирижером оркестра NHK я стану в октябре 2004-го, это оркестр мирового класса. Наш репертуар будет очень широк – оркестр в равной степени владеет разными

стилями. Два года назад мы играли Бетховена, Шёнберга, Раavelя, Прокофьева и других композиторов. Хотя Шёнберг сам многое испортил тем, что ушел в додекафонию и отдалился от своего уникального стиля. Теперь люди видят его имя и не хотят идти на концерты, а это очень жаль. Было бы гораздо лучше, чтобы люди знали современную им музыку, но этот процесс всегда сложен.

– Отчего многие наши знаменитые солисты вдруг стали дирижерами – Плетнев, Башмет, Спиваков, вы?

– Не могу судить о том, какие они дирижеры: почти их не слышал. А что касается меня, то оркестр был моей первой любовью. Но плана стать дирижером у меня не было, и уроков дирижирования я никогда не брал. Случайно дирижировал любительским оркестром, в другой раз мной кого-то заменили, а потом я подумал: почему бы мне иногда не дирижировать? Для удовольствия, не для дирижерской карьеры. Хотя планов карьеры у меня никогда не было даже как у пианиста: я стал известным, выиграл какие-то конкурсы, чему сам удивился... и у меня получилась большая карьера по всему миру. Я не собираюсь оставлять рояль, просто не могу уделять ему столько времени – очень много дирижерских обязательств, а я этому счастлив.

– Вы преподаете?

– Официально – нет, хотя советом всегда помогу, я не такой плохой человек. Преподавание – не мистика, я прекрасно знаю, как это делать, но у меня на это нет времени. В некоторых молодых пианистах я уверен – они поймут мой совет и смогут им воспользоваться.

– Самое большое везение вашей жизни?

– Везение можно видеть во всем – например, во встрече с моей будущей женой. А если бы она не приехала в Москву учиться у Оборина? Без этого моя жизнь была бы абсолютно другой. Повезло и в том, что нас выпустили за границу, что мы смогли там остаться. Это, пожалуй, и есть самое главное везение. Наш дом – в Швейцарии, там мы живем больше двадцати лет. Пять наших детей разъехались по миру, младшей дочери двадцать четыре, старшему сыну сорок два. У всех своя жизнь, но они часто к нам приезжают, со всеми пятерыми хорошие отношения.